

УДК 160.1

К.А. Павлов

О ЗАМЫСЛЕ И ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «ЛОГИКА»

Рассматривается ряд основных поворотов в истолковании логики; приводятся основания считать, что главной целью логики является не просто создание логических систем, а умение получать корректные логические рассуждения. Это, в свою очередь, поднимает вопрос о компьютерном и теоретическом моделировании этих процессов, главным образом, в контекстуально не проясненных смысловых средах.

Ключевые слова: логическое рассуждение, условия возможности логики, контекст рассуждения.

Обсуждаемые ниже темы будут ориентированы, главным образом, на исследование вопроса о том, что же такое «логическая форма», когда речь заходит о действительных логических рассуждениях, а не о таком абстрактном понятии, как «логика». Или, по-другому говоря, на вопрос о том, что делает логические рассуждения логическими? В XX в. философия логики попыталась радикально решить этот вопрос, безусловным образом отождествив логические формы с определенного рода *знаковыми* формами, т.е. формами, которые адекватно бы отображались определенными комбинациями знаков. Этот шаг, на наш взгляд, привел к чрезмерной «платонизации» самой идеи логики, поскольку вне-временные аспекты, ассоциируемые с понятием знака, спроецировались на существо логики и превратились в ее собственные непреременные атрибуты, вместо того, чтобы быть атрибутами только лишь форм ее исторического выражения и понимания. Таким образом, несмотря на впечатляющие результаты в области *логистики*, на наш взгляд, понятие логики (как особой науки) претерпело значительное сужение своего объема, поскольку понятие логического рассуждения выпало из фокуса внимания логических исследований. Судя по той ситуации, которая сложилась в логике сегодня, понятие логической формы требует пересмотра и значительного уточнения. Об этом свидетельствуют сложности, возникающие как при компьютерном моделировании способности логического рассуждения, так и проблемы чисто теоретического характера, не в последнюю очередь связанные с логикой коммуникации, реконструкцией логики научных открытий, а также с логикой смысловых трансформаций в целом.

Для того чтобы понять, каков источник этих сложностей, необходимо обратиться к самому началу – точке возникновения исходных логических определений, предначертывавших пути развития логики вплоть до наших дней. Одним из главных определений является, на наш взгляд, понятие силлогизма Аристотеля, а контекстом понимания этого определения – философские размышления Платона и Аристотеля, взятые во всей своей целостности, т.е. включая этическую, политическую, эпистемическую, онтологическую, языковую, коммуникативную и прочие составляющие. Контекст возникновения

логики, задающий перспективу понимания ее подлинного замысла, совершенно необходим. Мы постараемся привести ряд свидетельств в пользу неотделимости этого контекста от существа логических исследований и показать значимость учета философской, коммуникативной и социокультурной обусловленности логической проблематики. В не меньшей, если не большей, степени важным является и противоположный вектор связи логики и социокультурной специфики: речь идет о смыслопорождающих аспектах логических рассуждений. Роль порождаемых логикой смыслов оказывается порой столь существенной, что они становятся причиной парадигмальных сдвигов в мышлении, приводя в итоге к сменам целых культурных эпох (в исследовательской литературе этот аспект логики связывается с понятием *логики трансдукции*).

Начала логики: Аристотель

Итак, в первую очередь напомним аристотелевское определение силлогизма и укажем ряд напрашивающихся, хотя и небесспорных следствий. Аристотель говорит: «Силлогизм же есть речь (λογος, рассуждение), в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [1. Т. 2. I 1 15–20b].

Чтобы уловить универсальную значимость, а стало быть, и проблематический характер этого определения, постараемся отвлечься на мгновение от того контекста, в котором Аристотель разрабатывает свою формальную теорию силлогистики, и подумаем: действительно ли только в рамках аристотелевской философии осмысленно исследовать понятие силлогизма? Ведь исходя из одного только аристотелевского определения совершенно не следует ни то, что силлогизм должен состоять из трех терминов, ни то, какова должна быть специфика соотношения между терминами, ни то, что само следование непременно должно связывать между собой именно термины (а не иные единицы «логоса»), – всё это есть результат рассмотрения силлогизма в рамках определенной метафизической системы. Стало быть, не лишено оснований предположение о том, что понятие силлогизма приобретет другой смысл в рамках иных метафизических конструкций, не опирающихся, как у Аристотеля, на родо-видовую структуру онтологии.

Иными словами, мы хотим сказать, что степень общности аристотелевской формулировки такова, что 1) аристотелевскую *теорию* силлогизма (сил-логистику) ни в коей мере нельзя считать исчерпывающей общее понятие силлогизма (это лишь *пример* теоретической разработки этого понятия). 2) Заметим также, что из этого определения вовсе не следует и то, что наука о силлогизме обязана быть «формалистичной», т.е., например, «формальной» в том смысле, который придали этому слову Фреге и Рассел (а не в смысле «формы» Аристотеля). 3) Можно также вспомнить различие взглядов на понятие силлогизма у Я. Лукасевича и у Дж. Коркорана, первый из которых однозначно считал «силлогизм» логической импликацией, а второй – скорее определением дедукции. 4) Рассматривая это понятие в рамках, например, философии Канта, появляются основания у И. Канта называть «логикой» то, что у него называется «трансцендентальной логикой» (факт, который отрицали бы Фреге, Рассел и их последователи, относя «трансцендентальную логику» к теории познания, а не логике). Значимость трансцен-

дентального поворота в логике будет не раз еще отмечаться ниже. 5) Немаловажной может оказаться реконструкция понятия силлогизма в рамках философии Гегеля, если ее рассмотреть в противоположность конструкциям логики, которые разрабатывались в XX в. аналитическими философами. Дело в том, что Аристотель, однозначно настаивающий *на отличии посылок от следствий* (см. об этом в [2]), наверняка поставил бы под вопрос идею понимания логики как исчисления тавтологий, в то время как именно Гегель следовал принципу «отличия посылок от следствий».

Весь этот спектр возможных – и весьма далеких друг от друга! – способов употребления понятия «силлогизм» ставит нас перед простой задачей уточнения предметности логики и конкретизации ее специфики, ее конечных целей, допустимых средств и т.п. Без подобного анализа осталось бы совершенно неясным, почему в некоторых случаях считалось уместным говорить о механистичности логики, в иных случаях говорить об изоморфности логических и онтологических структур, в иных – отождествлять логику и формалистическую логику или же приписывать логический статус рассуждениям об априорных условиях возможности научного познания.

Что касается вопроса о цели, то здесь имеет смысл напомнить одно важное обстоятельство. Целью «аналитических» произведений Аристотеля было создание Органона, с помощью которого возможно было бы осуществлять получение логически корректных *рассуждений* всякий раз тогда, когда этого требует исследовательская ситуация (в противоположность сегодняшнему моменту, когда целью логики считается создание логических систем). В значительной мере создание органона мысли диктовалось практикой устной аргументации, которая предполагает умение осуществлять логически корректные рассуждения *актуально*, в режиме действительной реализации содержательных утверждений, в которых «логическая форма» и соответствующее содержание корректно сцепляются в логически правильную смысловую конструкцию. Таким образом, есть основания считать, что прикладной аспект – т.е. момент участия логического знания в реальных рассуждениях – предполагался имманентным науке о логическом анализе, а не чем-то внешним ему. Стало быть, формализация логических рассуждений могла быть лишь только частью программы Аристотеля по созданию универсального логико-аналитического органона. Не менее значимой частью этой программы должна была бы стать наука о правильном использовании формальных конструкций в процессе осуществления действительных рассуждений. Реальные шаги в изучении последнего вопроса были сделаны значительно позже, в работах Канта, а затем и Гуссерля (см. ниже). Еще позже вся эта проблематика возникла в рамках исследований по созданию так называемого искусственного интеллекта, когда стало ясно, что компьютерные модели логически рассуждающего субъекта должны обладать самостоятельной способностью правильно сочленять «логические формы» с подлежащим анализу содержанием и что нельзя уходить от решения этой проблемы, ссылаясь на то, что проблема, мол, имеет «психологический» характер (как это принято было делать логиками в XX в.). В этом бегстве от «призрака психологизма» сказывается лишь неумение последовательно отличать «психологическую» от «трансцендентальной» проблематики.

Трансцендентальный поворот: схематизм понятий (Кант) и генезис смысла (Гуссерль) как проблемы логики

Как мы только что сказали, связь понятия логики с понятием органа мысли изначально присутствовала в логической проблематике, благодаря чему в истории логики периодически возникала потребность теоретического осмысления этой связи. Иногда она казалась чем-то очевидным и не требующим специального внимания, и тогда исследовательские усилия концентрировались вокруг формальных и структурных аспектов логики; однако подобного рода «очевидности» эпизодически попадали под вопрос, в результате чего появлялись исследования, нацеленные на специальное изучение этой проблемы. По-видимому, в данном отношении одним из наиболее существенных поворотов является «трансцендентальный поворот» И. Канта, в работах которого произошло разделение логики на формальную (общую) и трансцендентальную (философскую).

а) *И. Кант.* То обстоятельство, что у Канта логика обретает два измерения – философское и не-философское, является тем более важным, если принять во внимание весьма существенное утверждение Канта: «Для философии не было ничего вреднее математики, а именно, подражания таковой в методе мышления, там, где он никак не может употребляться» (цит. по [3. С. 147]). Отсюда как минимум вытекает то, что логика, по мысли Канта, не может быть полностью математизирована во всем своем объеме (т.е. не может быть чем-то от начала до конца сконструированным). Невозможность полной редукции логики к идее математического конструирования связана с тем очевидным соображением, что логика – как один из инструментов радикального, предельного обоснования знания – не может исходить в своей основе из того, чтобы обосновывать одни человеческие конструкции с помощью других таких же конструкций. Это было бы «психологическим» произволом. Такое обоснование имеет смысл лишь в рамках чисто «математического» (в смысле Канта) познания вещей, т.е. там, где сущность вещей, подлежащих познанию, исчерпывается теми конструкциями, которые заведомо созданы человеком. Общий же смысл предельного обоснования знания (например, в естествознании, психологии, лингвистике и т.п.) как раз и связан с идеей обоснования человеческих понятийных конструкций – устройством самих вещей, как они *есть* в их действительном отношении к познавательным способностям человека (т.е., например, устройством элементарных частиц, или психики, или языка). Но поскольку определенность *существования* таких вещей не есть лишь результат сознательного человеческого конструирования, то это значит, что и философская компонента логики рассуждения об этих вещах не может быть до конца сконструированной. Отсюда следует, что для того чтобы логически последовательно иметь дело с (неконструируемым) существованием вещей, философской компоненте логики должен быть присущ определенный *схематизм*, связующий конструктивные аспекты ее «природы» с неконструктивными.

Рассуждая таким образом, Кант как раз и приходит к необходимости различения между формальной (общей) и трансцендентальной (философской) логикой. В результате он приходит к следующим определениям. Общей, или

формальной¹, логикой Кант называл логику самосогласованности рассудка с самим собой, поскольку «она отвлекается от всякого содержания рассудочного познания и от различий между его предметами, имея дело только с чистой формой мышления» [4. С. 72]. Помимо общей логики, говорит Кант, «должна существовать логика, абстрагирующаяся не от всякого содержания познания <т.е. трансцендентальная логика>; в самом деле, та логика, которая содержала бы только правила о том, как чисто мыслить предмет; ...она должна была бы также исследовать происхождение наших знаний о предметах» [4. С. 73]. Эти определения Канта можно перефразировать так: общая логика является «беспредметной», в то время как трансцендентальная логика является «предметной» логикой. Последнее означает, что в рамках трансцендентальной логики каким-то образом должен решаться вопрос о связи логических понятий с содержаниями «созерцаний» (интуиций), благодаря которым тот или иной предмет только и может быть дан. «Поэтому, – говорит Кант, – часть трансцендентальной логики, излагающая начало чистого рассудочного знания, и принципы, без которых нельзя мыслить ни один предмет, есть трансцендентальная аналитика и вместе с тем *логика истины*» [4. С. 76] (курсив мой. – К.П.). Центральным звеном трансцендентальной аналитики является учение о способности суждения, поскольку именно «способность суждения есть умение *подводить* под правила, т.е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (*casus datae legis*) или нет» [4. С. 120] (курсив И. Канта). Средоточием способности суждения, как известно, Кант называет схематизм чистого рассудка, т.е. трансцендентальные схемы, связующие интеллект (категории) и форму данности вещей (явления).

Особо важно отметить, что именно способность суждения Кант называет той частью философского применения разума, которой «научиться нельзя». «Вот почему способность суждения есть отличительная способность так называемого природного ума и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдобавить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но... если нет этого естественного дара, то никакие правила... не гарантируют от ошибочного применения их» [4. С. 121]. Фактически это означает, что здесь мы наталкиваемся на неформализуемые аспекты логической деятельности. Существовало, что способность суждения может быть развита только «примерами

¹ Заметим между прочим, что этот смысл формальности полностью исчез из логических исследований XX в., поскольку под формой стали понимать не форму самосогласованности субъекта мышления, а форму, задаваемую *предметной согласованностью* рассуждений (т.е. то, что Кант относил к трансцендентальной, а не общей логике). Иными словами, источником согласованности перестал выступать субъект мышления; этим источником стали выступать объекты мысли. (Отсюда и необозримое разнообразие «формальных логик», изобретенных в прошлом веке, – факт, сам по себе бессмысленный с точки зрения Канта, поскольку форма согласованности рассудка с самим собой может быть в трансцендентальной перспективе только одна). Фактически это значит, что в XX в. под «формальной логикой» стали понимать *формальные аспекты трансцендентальной логики*. Именно поэтому к концу XX в. «вдруг» обнаружилось, что формальная логика, разрабатываемая в рамках математического инструментария, имеет преимущественно объективное значение (в то время как субъектный полюс логики растворился в метатеоретических и прагматических аспектах формалистического конструирования).

и реальной деятельностью», говорит Кант. «Единственная, и притом огромная, польза примеров именно в том и состоит, что они усиливают способность суждения». Заметим на будущее, что «неформализуемость» логической деятельности еще не означает ее «немоделируемости». Мы увидим ниже, что проблема компьютерного моделирования способности логического рассуждения наткнулась именно на эти сложности и что набросок устройства способности суждения, сделанный Кантом, оказался по существу наиболее значимым с точки зрения понимания действительной работы процессов логического рассуждения. Реальные шаги в направлении моделирования «способности суждения», на наш взгляд, были сделаны Д. Хофштадтером и его коллегами в работе [5].

Обратим внимание еще на один важный момент. Логика, логические рассуждения есть вещи необязательные, они могут быть, но могут и не быть. Ничто не гарантирует того, что человеческие рассуждения будут непременно логическими. Однако тонкость заключается в том, что поскольку всегда имеется возможность рассуждать именно логично, а не нелогично, то условия возможности логики (в противоположность самой логике) в своем существовании не зависят от прихотей человека. Пока существуют существа, способные рассуждать, условия возможности логики *существуют* в безусловном, «неконструктивном» смысле. Иными словами, среди условий возможности логики есть и такие, которые совершенно не зависят от человеческого произвола; они *есть* априори, «сами по себе». Это означает что способ познания условий возможности логики (как общей, так и трансцендентальной) сам по себе имеет трансцендентально-логический характер. Стало быть, логика познания условий возможности логики не может быть ни чисто формальной, ни чисто конструктивной – она сама по себе обязана иметь характер (трансцендентального) схематизма. То есть трансцендентальная логика в определенном смысле должна быть направлена на самое себя (на собственные условия возможности) и в каком-то смысле должна быть само-обосновывающейся. Причем источником этой «самости» должна быть не человеческая «самость», а «самость» самих условий возможности логики вообще.

Как видит эту ситуацию Кант? С одной стороны, Кант говорит, что центральные для логики понятия (необходимость, возможность и существование) являются тавтологически данными, т.е. что их вообще невозможно определить иначе как через тавтологию. Но тавтологичность – это лишь *форма данности* этих понятий. Имеется и другая сторона. Кант показывает, что существуют трансцендентальные схематизмы, реализующие их в процессе действительного осуществления рассуждений. Поскольку все без исключения действительные рассуждения совершаются во времени, то время оказывается ключевым моментом всех соответствующих схематизмов. Так, например, «схема необходимости есть существование предмета во всякое время», а «схема возможности есть согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще». Таким образом, получается, что тавтологическая данность понятий логики исполняет функцию самозамыкания трансцендентального рассуждения: схематизм подтверждает смысл, а смысл позволяет реализовываться соответствующим схемам.

Заметим, между прочим, что схематизм понятия необходимости оказывается коррелятивным схематизму понятия субстанции, который Кант определяет так: «схема субстанции есть постоянность реального во времени» [4. С. 126]. Это обстоятельство имеет своим (побочным) следствием то, что необходимость получается имеющей субстанциальный характер. Отсюда и напрашивающийся вывод о субстантивации логического следования, которое формулируется в терминах необходимости (вспомним, например, определения силлогизма у Аристотеля). Фактически логические исследования XIX–XX столетий как раз и шли в направлении поиска «субстанции» логики, о которой пытались говорить в терминах формально-логических систем.

Однако возникает вопрос. Кант обосновывал современную ему науку, опирающуюся в своих приоритетах на естествознание XVIII в., которое, в свою очередь, ориентировалось на весьма специфические метафизические основоположения. Соответственно, понятие необходимости, которое исследует Кант, источником своей осмысленности имеет определенную ситуацию в науке и метафизике. Но действительно ли такое понимание необходимости является универсальным? Можно ли доказать, что не существует иных типов схем, которые могли бы иначе реализовать понятие необходимости? Это никак не противоречило бы «тавтологической» данности этого понятия, поскольку иным был бы не способ данности, а форма осмысленности этого понятия. Понятие необходимости по-прежнему было бы тавтологически данным, но оно имело бы иной смысл и реализовывалось бы в процессе рассуждений иным схематизмом. Возможно ли это? Осмысленно ли вообще так ставить вопрос? Некоторые шаги в этом направлении были сделаны Гуссерлем.

б) Гуссерль. Определенное переосмысление трансцендентального поворота произошло у «позднего» Гуссерля. Говоря о «позднем» Гуссерле, мы в данном случае опираемся лишь на некоторые фрагменты из его поздней и до сих пор не переведенной на русский язык работы «Формальная и трансцендентальная логика: опыт критики логического разума» (1929).

Уже само название работы Гуссерля говорит о том, что в центре внимания у Гуссерля (вслед за Кантом) находится нечто такое, как «логический разум», а не те или иные структуры, системы и конструкции (как это предпочитала делать аналитическая философия, идущая вслед Фреге и Расселу). В §101 своего исследования Гуссерль в явном виде формулирует основную философско-логическую задачу, которую он прямо характеризует как «необходимость перейти от теории логики – к рассмотрению работы «логического разума».

Что такое логический разум? Логический разум – это инстанция, которая могла бы быть способна к «абсолютному обоснованию познания», если таковое вообще возможно. Исследование возможности «абсолютного обоснования познания» возможно только при условии, что соответствующим образом будут поняты и определены понятия «абсолютность», «обоснованность» и «познание» (а вместе с ними и центральные для логики понятия «истина», «очевидность» и «необходимость»). Таким образом, разработка понятия логического разума возможна только на путях создания *теории порождения и осмысления «смыслов»* понятий, вовлеченных в задачу по исследованию

возможности «абсолютного обоснования познания». По мысли Гуссерля, эта задача подразумевает создание теории порождения и осмысления «смыслов» вообще. (Заметим, что такая постановка вопроса значительно шире кантианской, поскольку действительный смысл этих понятий, по Гуссерлю, нельзя считать ни предуказанным, ни очевидным, ни данным тавтологически). Если такая теория будет создана, то «абсолютное обоснование» может быть достигнуто благодаря теоретическому соотнесению множества факторов, каждый из которых уходит корнями в свои собственные исходные поля смыслов и соответствующие процедуры смыслоположения. К числу этих факторов относятся и те смысловые процедуры, которые конституируют исследуемый предмет, и те, которые формируют исследовательские цели и представления о существе познания² (главным образом, представления об «истине»), и те, которые могут сыграть роль корректирующих факторов, оказавшихся актуализированными в процессе обоснования и трансцендентальной критики. Теории логики, не способные соединить в себе все аспекты, необходимые для полного обоснования логичности рассуждений (претендующих на то, чтобы называться «логическими»), будут неизбежно обременены той или иной долей «произвольности» и «психологичности». В этом смысле всевозможные виды формальной логики, с точки зрения Гуссерля, оказываются недостаточно обоснованными потому, что не известен ни точный способ их применения, ни точные границы возможности их применения. Подобные (недостаточно обоснованные) теории логики Гуссерль называет «наивными позитивными теориями».

Фактически у Гуссерля происходит уточнение кантовского различия между трансцендентальной и формальной логикой. Понятие формальной логики расширяется Гуссерлем до понятия (наивной) позитивной логики, куда уже входит не только обще-формальная (в смысле Канта) логика, но и формальная логистика. Что касается философской логики, то, несмотря на то, что сама идея философской логики остается у Гуссерля такой, как и у Канта, однако возможности трактовки этого понятия определенным образом расширяются. Философская логика – это по-прежнему логическая деятельность, получившая обоснование со стороны всех условий своей возможности (т.е. получившая трансцендентальное обоснование), однако содержание ее становится и большим по объему, и более дифференцированным, поскольку Гуссерль перестает ориентироваться в этом вопросе исключительно на точные науки (это мы увидим ниже).

Примечательно, что самым главным «предрассудком» позитивной логики Гуссерль называет позицию «наивного платонизма», т.е. превратное представление об абсолютности как о чем-то таком, что пребывает в законченном

² Позже исследование этой проблематики было подхвачено «франним» Хайдеггером: «Не научившись выявлять в <интенциональных> актах структуры того, что в них интендировано, самих интендированных предметов как таковых, нечего и думать о научной разработке действительной – опирающейся на сами феномены – феноменологии образования понятий, т.е. их генезиса из первичных грубых значений. Но эта последняя составляет основу всякой логики, и без нее логика остается дилетантским измышлением или искусственной конструкцией» [б. С. 50].

виде в самом себе, удерживая при себе всю совокупность соответствующих истин-в-себе.

«[Необходимость трансцендентальной критики и обоснования] касается также формальных всеобщностей, с которыми [«предрассудки», берущие начало из естественной установки] попадают в логику. Логика, в частности, новременная логика, нацеленная со времен локковского «Опыта» на прояснение начал из источников внутреннего опыта, постоянно тормозилась предрассудками в обычном, дурном смысле. И худшими из всех предрассудков здесь являются те, которые касаются понимания очевидности. Они связаны с ранее выявленным нами предрассудком абсолютного, в-себе-сущего мира как субстрата само собой разумеющимся образом принадлежащих ему истин-в-себе» [7. S. 283].

Что же оказывается упущенным, если мы понимаем абсолютность как завершенную в себе целостность? Гуссерль говорит, что при этом утрачивается всё многообразие *относительных* истин, не менее, если не более значимых с точки зрения теоретических притязаний человека. Для логики может оказаться решающей историчность контекстов логического рассуждения, поскольку за одними и теми же формализмами могут скрываться различные «подразумеваемые» интенции и контексты их понимания. Многообразие относительных истин Гуссерль связывает, в частности, с истинами гуманитарного типа, т.е. имеющими решающую значимость для наук исторических, экономических, социологических, филологических и прочих наук о жизни³. Отчасти следуя кантовской критике идеи применимости математического познания в философии, Гуссерль говорит: «Пора перестать позволять ослеплять себя идеальными и регулятивными методами «точных наук». В частности, [перестать это делать] в философии и логике – словно бы [идеи методов точных наук] были действительно абсолютной нормой как в том, что касается предметного бытия, так и того, что касается истины... Это означает ради грандиозных, но имеющих весьма ограниченный телеологический смысл результатов познания упускать из виду бесконечности жизни: т.е. бесконечности релятивного – и только в этой релятивности разумного – бытия с его релятивными истинами» [7. S. 284].

Насколько понимаем, под «грандиозными результатами познания» Гуссерль подразумевает, в частности, теоретические построения математической логики. Именно они и создавались в начале XX в. в соответствии с регулятивными методами точных наук; тем не менее нельзя упускать из виду, что все эти результаты были получены с целью решения совершенно определенной задачи – обоснования математики (причем как она сложилась к концу XIX в.). Стало быть (априори), нет никаких оснований считать эту методiku универсально значимой и применимой за пределами породивших ее математических дисциплин. Более того, как было известно уже Гуссерлю, даже внутри самой себя математическая логика изобилует конструкциями, ни одна из которых не может претендовать на универсальность в рамках самой же математической логики.

³ Логическая значимость понятия «жизнь» отражена, например, в работе Н.Н. Непейводы [8].

Ныне можно с еще большим основанием утверждать, что бесчисленное количество формально логических систем говорит о том, что нет никакой «логики вообще» (тем более такой логики, которую можно было бы схватить математическими методами), а есть неограниченно разрастающееся семейство ситуаций, каждая из которых требует нового и нового *изобретения* методов логического анализа. Иными словами, как сказал бы Гуссерль, имеют место различные *опыты применения* логического разума к разнообразным (в частности, математическим) ситуациям. Логические системы – это лишь результаты этого применения. Результаты, которые не исчерпывают существа логического разума, ибо невозможно априори очертить весь спектр его применений и весь горизонт «результатов» такого применения. Поэтому ответ на вопрос, «что такое логика», надо искать на путях исследования того, как устроен логический разум, а не только лишь порождаемые им логические системы.

Эта проблематика вплотную сближает интенции феноменологии с исследованиями по созданию так называемого искусственного интеллекта (ИИ). Из философских направлений мысли задачу исследования работы разума изначально и ставила перед собой феноменология, а не аналитическая философия (несмотря на то, что именно благодаря аналитической философии появились на свет компьютерные технологии и, следовательно, сама возможность всерьез ставить вопрос о создании «искусственного разума»). Аналитическая философия (в своих исходных интенциях) ориентировалась на анализ готовых смыслов и на соответствующие способы их модификации с целью их приведения в непротиворечивую формальную систему, в то время как феноменология (точнее, трансцендентализм вообще) указывала на необходимость исследования процессов, предшествующих работе с «готовыми смыслами».

Помимо этих двух подходов, следует отметить еще один подход, крайне редукционистский по сути. Это подход, предлагаемый рядом сторонников нейрофизиологического способа понимания мыслительных феноменов. Они считают, что достаточно просто скопировать физиологию работы «естественного» мозга, в надежде на то, что такая модель сама по себе начнет порождать соответствующие смыслы. Вопрос о том, какой уровень рассмотрения является решающим с точки зрения детерминации существа логики – уровень готовых смыслов (аналитики), уровень порождения смыслов (феноменология) или даже уровень физиологии (нейрофизиологический подход), до сих пор остается предметом серьезных дискуссий. Истина лежит где-то между теми уровнями исследования, которые отстаивают феноменологи и аналитики.

Аналитический поворот: формальная теория как единица логики

Параллельно с гуссерлевскими исследованиями трансцендентальных оснований логики, которые Гуссерль вел на пути изучения логического разума, шла аналитическая работа по созданию и изучению разнообразных логических исчислений. Самыми значительными с философской точки зрения результатами, полученными в этой области, были следующие.

Во-первых, это ограничительные теоремы и результаты, значимость которых заключается в том, что они показывают, каким образом и в какой степени математика и математическая логика способны – на собственном же языке – говорить о собственных границах применимости и о пределах собственных выразительных возможностей. На сегодняшний момент существует огромная литература, в которой обсуждаются теоремы Левенгейма – Сколема, Гёделя и др., поэтому мы не будем углубляться в детали этой проблематики, а лишь коснемся этих вопросов, отмечая соответствующую литературу.

К разряду ограничительных результатов можно отнести также обоснование необходимости учитывать такие понятия, как «неопределенность перевода» (Куайн) и «принцип семейного сходства» (Витгенштейн). Семейственность языковых игр и неопределенность перевода позволяют локализовать те ситуации, где перестают работать математика (во всяком случае, традиционная математика) и математическая логика и требуется иной тип концептуального анализа. В этом и заключается «ограничительный» смысл этих результатов: они ограничивают сферу применимости «точных» методов, демонстрируя, что аналитическая строгость не обязана ориентироваться исключительно на идеалы дисциплин, допускающих свою полную формализацию.

Во-вторых, значимым достижением аналитической философии были обнаружение и достаточно четкая артикуляция того факта, что «единицей» («элементом», «атомом») логики является не единичный «термин» (как у Аристотеля) и не «суждение» (как в нововременной логике), а целая теория (яснее всего это выразил, по-видимому, Куайн). В некотором смысле можно сказать, что произошло переосмысление сути аристотелевского «среднего термина»: стало ясно, что роль «среднего термина» должен играть не «термин» в прямом смысле слова, а совокупность терминологически проясненных понятий, представляющая собой замкнутую смысловую систему, которая «вычленяет» из естественного языка в точности тот его фрагмент, который – при должной его модификации – необходим для исследования данного типа логического следования.

При всей точности постановки этой задачи, однако, возникает вопрос о том, 1) кто, как и по каким критериям решает, правильно ли произведены «вычленение» и «модификация», и 2) какова дальнейшая сфера применимости полученного инструментария; это необходимо для того, чтобы избежать той ситуации, когда чисто формальная уместность применения некоторых методов оказывается противоречащей тому содержанию, к которому их применяют. Подобные процедуры также следует называть логическими, поскольку иначе выходит, что логические рассуждения оказываются базирующимися на неких вне-логических основаниях. Стало быть, возникает такой вопрос: какова логика всех этих процедур «вычленения», «модификации» и «правильного применения» формально-логического инструментария? Вопрос, который, как мы видели, в явном виде и весьма подробно разбирал уже Кант в своей трансцендентальной логике.

Рассмотрение теории как единицы логики позволяет понять, в чем заключаются сходства и различия аналитического подхода по сравнению с трансцендентальным. Сходство заключается в том, что и аналитические, и

трансцендентальные философы осознали недостаточность обоснования логической связи между высказываниями *A* и *B* посредством отсылки к единичному, изолированному суждению. Однако ликвидацию этого пробела они видели по-разному. Если для Гуссерля необходимым и достаточным основанием признавать логический статус некоего рассуждения была полная совокупность условий его возможности, включая специфику организации субъекта, то для аналитических философов «субъектные» аспекты кажутся излишними. С аналитической точки зрения необходимо и достаточно иметь однозначно определенную теорию, задающую контекст той или иной форме логического следования. Верность интуиции аналитиков заключается в том, что говорить о логичности действительно можно тогда, когда четко задан смысл рассуждений, и что далеко не для всех целей необходимо привлекать трансцендентальные структуры. Это было рассмотрено и убедительно показано на примере некоторых подходов к обоснованию математики.

Но *общий* вопрос заключается в том, что, во-первых, мы рассуждаем логично отнюдь не только тогда, когда уже находимся в рамках терминологически проясненных теорий. Логический статус можно приписывать и тем рассуждениям, когда пока еще нет четкой терминологической определенности, а идет лишь процесс ее выработки. И, во-вторых, неограниченно разрастающаяся множественность логических систем вынуждает поставить вопрос о том, существует ли некая логика выбора подходящих логических систем для исследования подходящих конкретных ситуаций или же мы вынуждены слепо полагаться на «интуицию» и «очевидность». Для решения подобных задач трансцендентальный подход кажется более уместным. Не случайно аналогичные трудности испытывают исследователи ИИ. Фактически эти проблемы так и остались не разъясненными ни в рамках аналитики, ни в рамках феноменологии, ни в рамках исследований по ИИ.

Для того чтобы внести дополнительную ясность в спор аналитиков с трансценденталистами, следует попытаться подойти к обсуждаемой проблеме совсем с другой стороны – историко-логической. Благодаря этому в адрес концепции логики, как она вырабатывалась в рамках аналитической философии на ранних этапах ее развития, можно предъявить один существенный упрек.

Это хорошо сформулировал декан философского факультета Стэнфордского университета Дж. Этчеменди: «На протяжении этого столетия основополагающей концепцией логики считалась та, что восходит к идеям Фреге и Рассела; концепция, в соответствии с которой основным предметом логики, также как и основными предметами арифметики или геометрии, является специфический набор истин: логических истин в первом случае, арифметических или геометрических истин в последнем. Эта концепция является естественным следствием синтаксического и, в особенности, аксиоматического понимания логики, принятого этими авторами. С аксиоматической точки зрения все дедуктивные дисциплины устроены совершенно одинаковым образом: за основу, без каких либо доказательств, принимается ряд истин определенного сорта, а все прочие истины выводятся в качестве следствий из исходных предпосылок... *Сегодня подобная концепция логики представляется довольно сомнительной, если не сказать аномальной в истории логи-*

ки... Если уж что и является *основным предметом логики*, так это *само понятие логического следования*» [9. Р. 74] (курсив мой. – К.П.).

Иначе говоря, аналитическая философия искусственно заузила исконно логическую проблематику (это цена, которую пришлось заплатить, чтобы добиться тех результатов, которые являлись доминирующими в философии XX в.). Как говорит тот же Этчеменди, логика превратилась в частную дисциплину, в то время как, начиная с Аристотеля, логика претендовала на то, чтобы быть универсальным органом любых последовательных рассуждений.

Для того чтобы вновь выйти на универсальный уровень, по всей видимости, необходимо связать логику с общим понятием смысла, поскольку логика должна уметь совершать логический анализ над произвольными смысловыми ситуациями, а не ограничивать себя анализом поведения знаковой комбинаторики. Таким образом, «вопросы аналитической философии языка о смысле языковых символов, по-видимому, явным образом возвращаются к герменевтическим проблемам *понимания смысловых интенций*, стоящих за символами» (курсив мой. – К.П.), как говорит К.-О. Апель [10. С. 143]. Иными словами, нам не миновать апелляции к смыслу (к интуированию), о чем и предупреждал еще А. Пуанкаре, критикуя универсалистские претензии сторонников логики. В.В. Целищев поясняет необходимость принятия во внимание смыслового измерения логики тем, что «правильность аргумента может оцениваться, исходя из прагматических, эпистемических или психологических соображений, так что тождество формы одного аргумента с формой другого аргумента, признанного правильным, еще не гарантирует правильности первого». Именно поэтому, совершенно справедливо заключает В.В. Целищев, «одного понятия логической формы недостаточно для понимания природы логического следования» [11. С. 145].

Литература

1. *Аристотель*. Собрание соч. М.: Мысль, 1978.
2. *Орлов Е.В.* Силлогизм и «обращения» у Аристотеля // *Философия науки*. Новосибирск, 2008. №3 (38). С. 3–37.
3. *Хинске Н.* Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
5. *Hofstadter D.* Fluid concepts and creative analogies // *Basic books*, 1995.
6. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998.
7. *Husserl E.* Formale und transendentale Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft // *Text nach Husserliana XVII*. Hamburg; Meiner: Hrsg. von E. Stroker, 1992.
8. *Ненеёвода Н.Н.* Неформализуемость как логическая характеристика жизни // *Online journal 'Logical Studies'*. 1999. №3.
9. *Etchemendy J.* Tarski on truth and logical consequence // *The Journal of Symbolic Logic*. 1998. March. Vol. 53, №1.
10. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
11. *Целищев В.В.* Нормативность дедуктивного дискурса. Новосибирск: Нонпарель, 2004.